

ва характеризуются разорванной, многоплановой композицией, без центральных персонажей, иногда с повествованием, развернувшимся в обратном порядке, и любовью к гротеску. Это — чистейший сюрреализм» (Струве Г.— С. 276). Впрочем, все эти «сюрреалистические» приемы без труда обнаруживаются и в прозе Е. Замятина, оказавшего сильнейшее влияние на А.-писателя.

Значительный интерес представляют воспоминания А., где А.-писатель как бы дописывает — уже по памяти и словесно — портреты, которые А.-художник писал некогда со своих именитых современников, по преимуществу крупнейших представителей русской культуры и политических деятелей 1910–20-х («Дневник моих встреч», 1966).

Соч.: Повесть о пустяках. СПб., 2001; Дневник моих встреч: Цикл трагедий. [М.], 1990. Т. 1, 2; То же. [Л.], 1990. Т. 1, 2.

Лит.: Струве Г. Русская ли-ра в изгнании. Нью-Йорк, 1956; Филиппов Б. Юрий Анненков // Анненков Ю. Дневник моих встреч. Т. 1. С. 7–11; Замятин Е. О синтетизме // Замятин Е. Лица. Нью-Йорк, 1967. С. 231–245; Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929. М., 1991; Яновский В. Поля Елисейские. СПб., 1993; Данилевский А. А. Юрий Анненков — Georges Anpenkoff — Б. Тимирязев // Анненков Ю. Повесть о пустяках. СПб., 2001. С. 315–323.

В. Ю. Бобрцов

АННЕНСКИЙ Иннокентий Федорович [20.8(1.9).1855, Омск — 30.11(13.12).1909, Петербург; похоронен в Царском Селе (г. Пушкин) на Казанском кладбище] — поэт, драматург, переводчик.

Отец был начальником Омского отделения Главного управления Западной Сибири, председателем губернского правления Томска. С матерью поэта связано предположение о ее происхождении из рода Ганнибалов (ее мать была замужем за одним из сыновей Арапа Петра Великого), что говорило о ее дальнем родстве с Пушкиным (см.: Петрова М., Самойлов Д. Загадка Ганнибалова древа // Вопр. лит.-ры. 1988. № 2). Семья Анненских до переезда в 1849 в Сибирь жила в Петербурге. В 1890 семья возвращается в столицу, где отец получает место чиновника по особым поручениям в Министерстве внутренних дел. В 1865–68 А. с перерывами, связанными с болезнью, учится в частной школе, потом во 2-й прогимназии. С 1869 — в частной гимназии В. И. Беренса. В 1875 А. успешно сдает экстерном экзамены на аттестат зрелости при гимназии «Человеколюбивого обще-

ства» в Петербурге и в этом же году зачисляется в Петербургский ун-т на историко-филол. ф-т.

В детстве А. подолгу жил в доме старшего брата Н. Ф. Анненского (1843–1912), чело- века энциклопедической образованности и огромной социальной энергии, известного общественного деятеля. Н. Ф. Анненский сближается идейно и родственно с революционером-народником Н. П. Ткачевым (женится на его сестре Александре Никитичне, приходившейся братьям двоюродной сестрой по отцу), Г. И. Успенским, Н. К. Михайловским. В тюрьме и ссылке он знакомится с Н. Г. Чернышевским, В. Г. Короленко, а затем с М. Горьким и др. А. не принимал «культурное беспамяństwo» и политический радикализм позднего народничества, но именно брату и его жене А. был всецело обязан своим «интеллигентным бытием».

В 1879 он окончил Петербургский ун-т со степенью кандидата и правом преподавать древние яз. С этого времени и до конца жизни А. связывает свою службу с Министерством народного просвещения, дослужившись до гражданского «генеральского» чина (с 1896) действительного статского советника. В 1879–91 преподает латынь и греческий яз. в частной гимназии Ф. Ф. Бычкова (потом — Я. Г. Гуревича). 23 сент. 1879 венчается с любимой женщиной — Н. В. Хмара-Барщевской, имевшей двух сыновей-подростков от первого брака. В 1880 у четы Анненских рождается сын Валентин, будущий поэт, пи-

И. Ф. Анненский

савший под псевдонимом «В. Кривич». В 1870–80-х А. пробует себя в стихах и переводах, известных только близким друзьям. В 1908 большинство ранних произведений из-за слабости и подражательности им уничтожается (Книги отражений. С. 479). Кроме гимназии Гуревича А. преподает в 1889–90 в Павловском (женском) ин-те уроки русской словесности, а также читает лекции по исторической грамматике на Высших женских (Бестужевских) курсах. В янв. 1891 А. назначается на пост директора Коллегии Павла Галагана в Киеве. В это время у него возникает замысел, ставший трудом всей его жизни, перевести с объяснительными статьями и комм. все трагедии Еврипида. Из-за разногласий с попечительницей Коллегии А. вынужден был оставить Киев, он становится директором 8-й петербургской мужской гимназии (1893–96); «три года директорства в Петербурге могут, пожалуй, считаться едва ли не самым спокойным и счастливым периодом его служебной жизни» (Кривич В.— С. 252).

В 1896–1905 А. является директором Николаевской мужской гимназии в Царском Селе, постоянной резиденции императора. По свидетельствам мемуаристов, А. был человеком замкнутым, сдержанным, тактичным, ровным в отношениях к коллегам и ученикам. С начальством он держался независимо, проявляя твердость в защите интересов «служителей» и гимназистов (см.: Памятная книжка С.-Петербургской восьмой гимназии. СПб., 1909. С. 74–76). А. был кумиром своих учеников и учениц, имел красивую наружность и благородство в обращении. «Он принадлежал к породе духовных принцев крови. Ни намек на интеллигента-разночинца. <...> Чуть-чуть сановник в отставке и... вычитанный из переводного романа маркиз» (Маковский С.— С. 239). Среди его учеников были Н. С. Гумилев, Н. Н. Пунин, Д. И. Коковцев. 27 мая 1899 в дни пушкинских торжеств А. выступил с речью «**Пушкин и Царское Село**» (СПб., 1899).

В 1898 он становится членом Ученого комитета Министерства народного просвещения. Тяготы административной службы не мешали А. быть талантливым преподавателем. Даже в трудный древнегреческий язык он вносил «нечто от Парнаса, и лучи его эллинизма убивали бациллы скуки. Из греческой грамматики он делал поэму, и, притаив дыхание, слушали гимназисты повесть о каких-то „придыхательных“ (Голлербах Э. Ф. Из загадок прошлого (Иннокентий Анненский и Царское Село) // Красная газ. 1927. 3 июля). В марте 1881 в «Журнале Министерства народного

просвещения» появляется первая науч. публикация А.— рецензия на «Граматику...» польского филолога А. Малецкого. В 1887 в ж. «Воспитание и обучение» он помещает статьи, написанные в помощь учителю, о поэзии Я. П. Полонского и А. К. Толстого. В эти годы он пишет статьи о Н. В. Гоголе, М. Ю. Лермонтове, И. А. Гончарове, А. Н. Майкове. В 1890-х А. совершает поездки в Италию и Францию. Он является поклонником живописи прерафаэлитов, А. Бёклина, Л. Алма-Тадемы, творчества О. Родена, французских символистов, «парнасцев» и «проклятых», переводами стихов которых давно занимался.

В 1901 А. задумывает свои лирические стих. и стихотворные переводы издать отд. книжкой под названием «Утис» (гр. «никто» — так называл себя Одиссей, чтобы спастись от одноглазого Полифема). Это же слово становится русифицированной анаграммой (от имени Иннокентий) и псевдонимом писателя: «Ник-. Т-о», под которым он в 1904 издает первый сб. стихов «**Тихие песни**», куда также вошли переводы из Горация, Г. Лонгфелло, Ш. Бодлера, Г. Гейне, П. Верлена и др. Книжка, невзрачно изданная и со скромным названием, осталась почти незамеченной. Лишь В. Я. Брюсов удостоил ее снисходительной рецензией, пожелав автору дальнейшей «работы над самим собой» (Вестн. 1904. № 4. С. 63), да через 2 года А. А. Блок, отметив «своеструнность», «прозрачность», «новизну символов» целого ряда стих. А., сочувственно написал: «Большая часть стихов г. Ник-.Т-о носит на себе печать хрупкой тонкости и настоящего поэтического чутья, <...> чувствуется человеческая душа, убитая непосильной тоской, дикая, одинокая и скрытная <...>, душа как бы прячет себя от себя самой, переживает свои чистые ощущения в угаре декадентских форм». Тут же, характеризуя переводы А., он писал о способности переводчика «вселяться в душу разнообразных переживаний» (Блок А. СС: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 620–621).

Параллельно с переводами Еврипида А. одну за другой выпускает в свет и свои оригинальные трагедии, по-своему интерпретируя эллинические мифы: «**Меланиппа-философ**» (1901), «**Царь Иксион**» (1902), «**Лаодамия**» (1902; опубл. в 1906), «**Фамира-Кифаред**» (1906; опубл. в 1913). Трагедии возникли на основе веры А. в возрождение античного наследия на русской почве, особенно чуткой, по его мнению, к восприятию эллинизма. С янв. 1906 начинается последний этап в жизни А. Он был уволен с поста директора гимназии в связи с ученическими бес-

порядками. Покинув казенную гимназическую квартиру, он здесь же, в Царском Селе, снимает большой дом с садом и переезжает туда. В 1906 выходит первый том Еврипида в переводе А. Интерес к «великому символическому» и «мистификатору» Еврипиду (Театр Еврипида. М., 1917. Т. 2. С. 358) был связан с родственным ощущением кризисности мира, стремлением к скептической дегероизации мифа. Том Еврипида, вызвав несколько положительных статей специалистов, не раскупался, и изд. не получило продолжения. В том же 1906 выходит сб. лит.-критических статей А. **«Книга отражений»**, который также, несмотря на всю свою оригинальность и внутреннюю целостность, не нашел заслуженного признания критиков и читателей.

Инспекторские поездки 1906–08 в Псков, Великий Устюг, Великие Луки дают поэтический материал для создания целого ряда т. н. «дорожных» стих. А.: **«Зимний поезд»**, **«Вологодский поезд»**, **«Грязовец»** и т. д. Время от времени в ж. «Перевал», «Гермес», в газ. «Слово», «Речь», «Голос Севера» и др. он публикует ряд статей, мн. из которых позднее войдут во **«Вторую книгу отражений»**: **«Гейне и его „Романцеро“»** (1907), **«Бранд-Ибсен»** (1907), **«Искусство мысли. Достоевский в художественной идеологии»** (1908), **«Античный миф в современной французской поэзии»** (1908) и т. д. В 1908 А. приглашается в качестве профессора читать курс лекций по истории древнегреческой литературы на Высших женских историко-лит. курсах Н. П. Раева в Петербурге.

1909 — последний год жизни поэта — оказался годом наивысшего подъема его творческих сил. В апр. выходит «Вторая книга отражений», на которую еще при жизни А. появляются более благосклонные рецензии, чем на первую, Н. Гумилева (Речь. 1909. 11 мая) и К. Эрберга (Аполлон. 1909. № 2); книгу высоко оценили А. Н. Толстой и особенно М. А. Волошин. Главное место в эстетике А. занимает идея имманентной нравственности искусства, мысль о единстве эстетических и этических критериев, об изначальной родственности поэзии с «чувствами Равенства и Свободы». Поэзия глубже культуры и нравственности, ибо она «стремится объединить или, по крайней мере, хоть проявить иллюзорно единым и цельным душевный мир, который лежит где-то глубже нашей культурной прикритости и осознанных нами нравственных разграничений и противоречий» (Книги отражений. С. 109). В своих критических статьях А. исследует изменение и рожде-

ние эстетического идеала в совр. лирике. Отвергая в эстетике педантизм и схематизм, А. говорил о тяжеловесности словесной «романтической арматуры», не способной тонко и чутко отразить «разные стороны нашего обогащенного «я». Одним из первых в русской критике А. постигает философско-психологическую основу символизма, породившую совершенно различные типы «современного лиризма». «Символы,— писал он,— рождаются там, где еще нет мифов, но где уже нет веры...», «В поэзии есть только относительности, только приближения — потому никакой другой, кроме символической, она не была, да и быть не может» (Книги отражений. С. 540, 338).

Весной 1909 С. Маковский (сын живописца-передвижника К. Маковского) задумывает издание лит.-худож. ж. «Аполлон», куда в качестве критика-теоретика и поэта, а на первых порах и редактора, приглашается А. В окт. 1909 в первом номере «Аполлона» появились стих. А. и начало его статьи **«О современном лиризме»** (продолжение — № 2, 3), в которой в ироничной, порой эксцентричной форме медитативных импровизаций и нарочитой недосказанности давались оценки известным поэтам — Брюсову, Вяч. Иванову, Ф. Сологубу, Бальмонту и др. Тонко и, может быть, впервые так точно характеризует А. метафизические глубины «певучей отвлеченности» поэзии Гиппиус. Однако в целом статья, в которой многие нашли лишь «легкомысленное щегольство» (Маковский С.— С. 235), вызвала раздражение и обиду. Этот инцидент повлиял на отношения А. с С. Маковским. В нарушение прежней договоренности Маковский принял решение отложить публикацию цикла стих. А. для второго номера «Аполлона». В 1909 А. создает самые значительные из своих «горьких, полынно-крепких стихов» (О. Э. Мандельштам): **«Дождик»**, **«Нервы»**, **«Баллада»** и последнее стих. **«Моя тоска»**. А. читает цикл лекций по стиховедению в Обществе ревнителей худож. слова при «Аполлоне», готовит доклад для Лит. общества, пишет статью о Леконт де Лиле. Кроме третьей части статьи «О современном лиризме», в нояб. появилось его новое соч. **«Театр Леонида Андреева»**. Чувствуя невозможность дальнейшего совмещения напряженной творческой работы (помимо всего прочего А. готовил к изд. вторую книгу своих стихов) и службы, А. после мучительных раздумий подает прошение о своей частичной отставке с сохранением за собой места члена Ученого комитета Министерства народного просвещения.

Но вопреки просьбе 20 нояб. отставка была дана полная. Перенапряжение жизненных сил, служебные переживания, серьезно осложнившиеся отношения с редактором «Аполлона» и со мн. современниками привели к резкому обострению сердечной болезни А. Поэт скоропостижно скончался на ступенях Царскосельского (Витебского) вокзала вечером 30 нояб., когда он возвращался домой в Царское Село. В день похорон 4 дек. в Царском Селе собралась масса народу, особенно много было учащейся молодежи. Венков было так много, что им не нашлось места в церкви. Большинство знало его только как педагога, видного деятеля русского просвещения, филолога-классика, и лишь немногие — как поэта. За гробом шли сотрудники «Аполлона» — С. Маковский, М. Кузмин, М. Волошин, А. Н. Толстой. После смерти А. вышла его самая значительная поэтическая книга — «**Кипарисовый ларец**» (1910). Окончательный состав книги определял уже сын А. — В. И. Кривич.

«Траурный эстетизм» (Г. Чулков) поэзии А. объясняли по-разному. В дек. 1921, на вечере памяти А. в Петербурге, В. Ходасевичем было заявлено, что поэт был «отравлен» смертью. По словам критика, «он был ею пропитан. Смерть основной, самый сильный мотив его поэзии, уловимый всегда, всюду, как острый и терпкий запах циана, веющий над его стихами» (Об Анненском // Эпопея. 1922. № 3. С. 37). Иной взгляд был у С. Маковского, который считал, что «ужас Анненского» совсем другого, «метафизического порядка». Поэт не мог гармонично соединить в себе «живое противоречие двух непримиримых миров» — «мира вещей и мира идей», мира временного и мира вечного. А., по словам С. Маковского, бессмысленность жизни, тоску по «мукe идеала» или по «мукe красоты» («Не могу понять, не знаю...») стремился претворить в «радость небытия», в утешительную иллюзию «одной Звезды» — Красоты, абсурду бытия он стремился противопоставить «смысл поэтического преображения» (Маковский С. — С. 249–250; 272). «Нельзя оправдывать оба мира и жить двумя мирами зараз, — утверждал А. в статье о „Гамлете“ . — Если тот — лунный мир — существует, то другой — солнечный <...> — лишь дьявольский обман, и годится разве на то, чтобы его вышучивать и с ним играть» (Книги отражений. С. 163). «В основе искусства, — писал о своем кредо А., — лежит <...> обоготворение невозможности и бессмыслицы. Поэт всегда исходит из непризнания жизни...» (Книги отражений. С. 145). Пленительная иллюзия поэти-

ческой красоты не только помогала А. спастись от отчаяния земного бытия, но и надеяться на пресуществление своего высочайшего идеала — полной духовной любви к тому, что «невозможно».

Лит. позиция А., который никогда не примыкал к символистам, позволяла постсимволистам (Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Пастернак и др.) видеть в А. своего наставника по поэтическому цеху. Некоторые стих. А. явились настоящими поэтическими шедеврами, а для отдельных из них написана музыка («**Среди миров**», «**Осенний романс**», «**Невозможно**»).

«Пожалуй, со времени Тютчева не было в русской поэзии такого органического соединения человека и природы, которое мы наблюдаем у Анненского. В импрессионистичной „зыбкости“, соответствующей точности передачи ассоциативно связанных переживаний, и заключается одно из оснований своеобразия и прелести поэзии Анненского» (Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 104).

Соч.: Стихотворения и трагедии / вступ. статья А. В. Федорова. 3-е изд. Л., 1990; Книги отражений / подгот. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М., 1979; Избранное. Стихотворения. Критическая проза. Письма / вступ. статья И. И. Подольской. М., 1987; Стихотворения. Трагедии / вступ. статья С. Сучкова. М., 1998; Стихотворения. Трагедии. Переводы / сост., предисл., прим. В. П. Смирнова. М., 2000; Анненский И. Ф., Кузмин М. Поэзия / сост., предисл. и комм. Н. А. Богомолова. М., 2000; Переводы: Еврипид. Трагедии: в 2 т. М., 1999; Материалы и исследования. Ученкомитетские рецензии. Вып. 1: 1899–1900. Иваново, 2000; Вып. 2: 1901–1903. 2000; Вып. 3: 1904–1906. 2001; Что такое поэзия? О современном лиризме: статьи // Критика русского символизма: сб. М., 2002. Т. 2; История античной драмы: курс лекций / сост., вступ. статья В. Е. Гитина; прим. В. В. Зельченко. СПб., 2003; Письма С. К. Маковскому // Ежегодник РО Пушкинского Дома на 1976 г. / вступ. статья А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика. Л. 1978.

Лит.: Зелинский Ф. И. Ф. Анненский как филолог-классик // Аполлон. 1910. № 4; Чулков Г. Траурный эстетизм // Там же; Волошин М. Анненский-лирик // Там же; Иванов Вяч. О поэзии Анненского // Там же; Гумилев Н. Письма о русской поэзии. СПб., 1923; Кривич В. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам // Лит. мысль. Л., 1925. № 3; Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974; Конрад Барбара. Поэтические отражения Иннокентия Анненского. Мюнхен, 1976; Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник (1981). М., 1983; Федоров А. Иннокентий Анненский: Личность и творчество. Л., 1984; Тименчик Р. Д. Поэзия Анненского в чита-

тельской среде 1910-х гг. // Блоковский сб. 6: Блок и его окружение. Тарту, 1985; Тименчик Р. Д., Черный К. М. Анненский И. Ф. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1; Произведения И. Ф. Анненского на русском языке: Библиография. Иваново, 1989; Верхейл К. Трагизм в лирике И. Анненского // Звезда. 1995. № 9; Кушнер А. Среди людей, которые не слышат... // Новый мир. 1997. № 12; Ильин В. Н. Иннокентий Анненский и конец Периклового века России // Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997; Адамович Г. В. СС: Лит. беседы: «Звено» (1923–1928): в 2 кн. / вступ. статья и прим. О. А. Коростелева. СПб., 1998; Голлербах Э. Встречи и впечатления. СПб., 1998; Кихней Л. Г., Ткачева Н. Н. Иннокентий Анненский: Вещество существования и образ переживания. М., 1999; Маковский С. К. Портреты современников. М., 2000; Аксенова А. А. Анненский И. Ф. // Лит. энциклопедия Русского зарубежья (1918–1940). М., 2001. Т. 4. Ч. 1; Корецкая И. В. Лит-ра в кругу искусств. М., 2001; Петрова Г. В. Творчество Иннокентия Анненского. Новгород, 2002.

В. С. Федоров

АНСТЕЙ Ольга (настоящее имя Ольга Николаевна Штейнберг) [1(12).3.1912, Киев — 30.5.1985, Нью-Йорк] — поэт, прозаик, критик, литературовед, переводчик.

Родители А. принадлежали к старой киевской интеллигенции: отец до Октябрьской революции был мировым судьей, затем — юристом, мать — преподавателем русской литературы. Стихи А., по собственному признанию, начала «складывать» с 4 лет. Впрочем, самые ранние опубликованные стих. поэтессы относятся к 1930. В Киеве А. окончила среднюю школу, затем Ин-т иностр. яз. (специализация: английский и французский). После окончания ин-та работала переводчиком и секретарем в организации, связанной с химической промышленностью.

По поводу выбранного поэтессой псевдонима существует 2 версии. По первой из них, в качестве псевдонима А. взяла фамилию английского писателя-фантаста Ф. Анстея (1856–1934). Но вероятно и то, что при выборе псевдонима А. апеллировала к Кристоферу Анстею (1724–1805), английскому поэту, для творчества которого характерно пародийное начало. Сама А., как и ее первый муж Иван Матвеев (поэт — Иван Елагин), была автором многочисленных пародий на стих. Н. А. Некрасова, И. Северянина и А. Ахматовой. Пародии эти вошли в машинописный сб., напечатанный А. в февр. 1943 «в количестве одного экземпляра, из коих один нумерованный» (Собрание стихотворений. С. 7). Соавтором А. по этому сб. был Иван Матвеев. Тог-

да же, по утверждению Т. Фесенко (Собр. стихотворений. С. 7), поэтами были впервые употреблены псевдонимы «Ольга Анстей» и «Иван Елагин». В качестве авторов сб. на титульном листе значились Ольга Анстей, Иван Елагин и Ольга Штейнберг.

За Ивана Матвеева А. вышла замуж в 1937 в Киеве. В СССР А. не печаталась. Тем не менее ее стихи знали, более того — они заслужили одобрительный устный отзыв известного украинского поэта Максима Рыльского. Немецкая оккупация застала Матвеевых в Киеве, вдвоем они пережили самые трагические ее моменты. Впоследствии А. первой в русской поэзии коснулась темы Бабьего Яра. Ее «Кирилловские яры» (1943) посвящены массовому уничтожению евреев в оккупированном городе и пронизаны топографической символикой «Бабиного Яра» — места, издревле связанного с культом языческой богини смерти. В этом стих. содержатся элементы анализа инфернальной географии как феномена.

В 1943 Матвеевы вместе с другими киевлянами были отправлены на принудительные работы в Германию. В 1945, в Берлине, у них родилась дочь Лиля. С 1946 Матвеевы находились в лагере для перемещенных лиц Шлесгейм. Лит. жизнь Шлесгейма была необыкновенно насыщенной. В лагерь приезжали Н. Белавина и И. Сабурова, а частыми гостями барака Матвеевых были Б. Нарциссов и Б. Филиппов. К шлесгеймскому периоду относятся первые опубликованные стихи А. Они увидели свет в газ. «D. P. Express», редактором которой был казначий поэт А. Перфильев, подписывавший свои произведения псевдонимами Александр Ли, Шери Бренди. Затем последовали публикации в органах печати эмиграции «первой волны»: альм. «Грани», ж. «Отдых», «Обозрение», «Дело», «Возрождение» и др. В 1947 произведения А. были опубликованы в поэтическом сб. т. н. «дипийцев» («перемещенных лиц»). Кроме А. в сб. участвовали: И. Елагин, А. Шишкова, князь Н. Кудашев и др. В 1949 в Мюнхене вышел первый поэтический сб. А. под названием «Дверь в стене», куда вошли стих. 1930–48.

В центре произведений А. киевского и мюнхенского периодов находится «благочестия град усладный» (Собрание стихотворений. С. 183), отождествляемый поэтессой с Киевом, Китежем и даже Кэр-Исом. В стих. «Китеж» (1937) А. обращается к бретонским легендам о затонувшем городе Кэр-Ис, преломленным, впрочем, через драму А. Блока «Роза и крест». Причиной гибели